

СЫН ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

1

Курбан спешил с комсомольского собрания домой. Перед его глазами снова проплывали кавалеристы, сверкая оружием, как и тогда, днем, когда они скакали по дороге, а он собирал хлопок. Сейчас ему уже нетрудно было вообразить себя среди них.

Войдя в родной двор, он обошел тихонько отца и мать, спящих под звездным небом. Сабир с ребенком лежала возле дома. Услышав шаги Курбана, она подняла голову.

— Сабир, ты не спишь?

Сабир приподнялась с кошмы и, разглаживая косы, ответила:

— Жду тебя. Подать чаю?

— Нет, не хочется.

Сбросив с себя халат и шапку, Курбан молча прилег возле жены. Сабир поняла, что Курбан не решается говорить то, о чем думает.

Она придвинулась к нему.

— Милый, почему ты не поделишься со мною?

Сердце ее забилося. Сабир подумала, что Курбан чем-то неприятно встревожен.

— Печали не следует таить,— сказала она.— Говори, и я разделю с тобой грусть, и тебе будет легче.

— Что ты, Сабир, я не грущу!

— Твоя радость также и моя.

— Сабир, меня призывают в армию.

— В армию?

— Сабир, не расстраивайся.

— Нет, я ничего...

Она успокоила проснувшегося ребенка, помолчала, потом тихо сказала:

— Я только беспокоюсь за отца и мать. Боюсь, что их растревожит твой отъезд.

— Что ты говоришь, Сабир! Если ты будешь молодцом, то с ними поладить легко. Все-таки дети...

— Дети будут для меня утешением. Когда я захочу увидеть тебя, я буду смотреть на них.

— До моего возвращения комсомольцы будут тебе помогать.

— Пока я здорова, я не нуждаюсь в помощи... Хорошо, Курбан, что ты у меня мужественный и сильный...

Эти слова Сабир, сказанные тихо, одними губами, еще больше воодушевили Курбана.

Проснувшись утром, он увидел мать. Она сидела у его изголовья и вытирала слезы кончиком платка.

— Мать, что с тобой? — спросил он. — Не к лицу тебе эти слезы.

— У меня же материнское сердце... — сказала Аман Эдже. — Ведь трудно терпеть разлуку. Я не буду плакать, не буду!

Успокоив мать, Курбан сел пить чай. Зашел Дурды Ата. Он присел возле Курбана, неторопливо погладил бороду, посидел в раздумье, потом поднял голову и сказал:

— Курбан, сынок, тебя призывают в армию. Теперь я тоже буду гордиться: «И моя доля есть в защите счастливой жизни». Иди, иди, Курбан! О семье не беспокойся.

— Спасибо, отец, — сказал Курбан. — Я оправдаю твое доверие. Он крепко обнял жену, горячо поцеловал много раз и сказал:

— Сабир, мне пора в путь! До встречи.

В объятиях Курбана Сабир старалась только не расплакаться.

Курбан попрощался с провожающими комсомольцами и колхозниками и сел на арбу, и старик-сосед, стоявший возле своего дома, сказал ему на прощанье:

— Никогда сын Туркмении не знал бесславия. Курбан, ты тоже туркмен. Большую часть своей жизни я уже прожил. Может быть, скоро и я и твой отец пойдем по пути предков. Мы, старики, верим, что ты завоеешь славу, чтобы и мы могли сказать: «Наши сыны, внуки множат доблесть нашего народа. Поезжай. Счастливого пути!»

Горячая речь старика взволновала всех колхозников, и Курбан долго вспоминал проводы уже в поезде, по дороге в новый и незнакомый мир.

2

Ночью мир раскалывался на куски. Земля тяжело содрогалась от разрывов снарядов. Плыл удушливый запах гари и пороха.

К рассвету огненная буря стихла. Ясным и нежным вставало утро, и легкий ветер, очистив воздух от пыли и смрада, волновал золотое море пшеницы.

Курбан машинально поймал еще не окрепший, мягкий колос. Теплые зерна легко скользнули на ладонь. Совсем как дома: в знойный полдень он стоит с обнаженными ногами на перемычке арыка и, взры-

Во вражеский тыл на разведку отправляется старший сержант Казимбетов. На его боевом счету уже есть уничтоженная бронемашина врага и два немецких офицера. Бесстрашный комсомолец награжден орденом Красного Знамени.

вая кетменем набухшую землю, слушает, как плещет вода, увлажняя пересохшее пшеничное поле. И откуда эта песенка?

На вершинах гор клубится туман,
разлив шумит, Бибиджан.
Любоваться тобою народ идет,
любимой моей, Бибиджан.
Качаются в ветре шальном тополя,
шумит листва, Бибиджан.
Раскрылися нового сада цветы
навстречу тебе, Бибиджан...

...Но резким движением руки Курбан отмахнулся, и плечо его ощутило привычную тяжесть ручного пулемета. Ведя за собой бойцов, младший сержант пошел по густому пшеничному полю.

Незаметно разведчики подползли к деревьям, стоявшим на краю поля. Кругом никого не было. А дальше опять колыхались под ветром пшеничные поля. Курбан оглянулся и замер. Острый взгляд разведчика заметил в желтизне созревающих хлебов неясные темные силуэты. Сделав знак Бочарову и Валиеву, Курбан упал и воткнул в землю сошки пулемета. Со стороны поля послышались русские голоса:

— Идите, идите! Не бойтесь!

В этом приглашении Курбан уловил насмешку. Спрятавшись в пшеничном поле, бойцы осторожно поползли назад, но и отсюда слышался уже явно насмешливый голос с нерусским выговором:

— Идите! Идите!

Окруженные разведчики поползли направо, но и справа послышались те же голоса; бойцов встречали отовсюду наглый смех и циничная брань.

И тут Курбан понял, что уйти некуда. Не меньше роты фашистов окружило разведчиков.

— Так просто нас не возьмут, — шепнул Курбан Бочарову и Валиеву. — Будем держаться...

Курбан лежал за кочкой, держа палец на спусковом крючке пулемета. Он слышал, как звонко щебетал жаворонок, видел, как мягко пробегает ветер по верхушкам посева. Взгляд его упал на лежавший перед ним сорванный колос. Чья-то нога вдавила его в землю, и усики жалко и беспомощно торчали во все стороны. Курбан смотрел на выпавшие зерна и думал, что если враг победит, он так же растопчет все, что было создано напряженным трудом народа. Он вспомнил отца и старика-соседа, и ярость охватила его.

Германский офицер, выглянув из-за прикрытия, крикнул:

— Все равно не уйдете! Поднимите руки и идите прямо. Иначе каждый из вас...

Курбан заглушил болтовню врага пулеметной очередью.

Ответный огонь обрушился на смельчаков. Зашуршали срезанные стебли пшеницы, посыпались золотые колосья, но ни одна пуля не задела разведчиков. Разъяренный офицер крикнул:

— Вперед! Взять их живыми!

Фашисты поднялись и пошли в атаку.

Губительный огонь трех ручных пулеметов встретил атакующих. Падала заодно с немцами подкошенная пшеница. Первая и вторая волны вражеской атаки были начисто сметены. Уцелевшие залегли, но резкий окрик офицера снова поднял их на ноги. Снова вихрь пуль, и растут груды трупов, и резкая команда офицера снова бросает солдат в атаку.

Нервная дрожь пулемета в руках Курбана внезапно прервалась. Замолчали пулеметы товарищей. Последние диски были расстреляны. Курбан поднялся и сильным рывком руки метнул гранату в немцев.

«Вот и все, — подумал он. — Теперь конец».

...Грохот взрыва оглушил Курбана. Густое облако земли и песку взметнулось возле Курбана. Снаряды рвались все чаще и чаще. По земле стлалась пелена дыма.

Разведчики побежали по густым посевам пшеницы.

Выскочив на край поля, Курбан радостно вскрикнул: навстречу быстро бежали красноармейцы с примкнутыми штыками.

— Наши,— хрипло сказал Бочаров.— Вот и лейтенант наш.

Словно теплая волна захлестнула сердце Курбана. Он вытер потный лоб и только тут почувствовал, как он устал.

Лейтенант молча подошел к сержанту и обнял его.

3

Лес шумел, и бойцы-южане привыкли к неумолчному ропоту листвы и ветра, но в тот день не шевелились устремленные к небу ветви и замерли листья на верхушках деревьев.

В отделении Курбана любили пляски, и каждый из храбрецов умел танцевать по-своему: русский, украинец, армянин, узбек. Когда в тот день после ловко сплясавшего лезгина очередь дошла до Курбана и его вызвали в круг, он тихо сказал:

— Я не умею танцевать.

Лечение в госпитале закончено. Герой Советского Союза Курбан Дурды в отпуску в родном колхозе имени Ворошилова Сагар-Чагинского района Туркменской ССР. Завтра опять на фронт. А сегодня Курбан Дурды обучает своих земляков военному делу.

Но бойцы знали об его особом искусстве и настаивали. Курбан вышел на середину, и многое обещала его уверенная походка и какая-то ласковая задумчивость взгляда.

Еще кого-то вытолкнули в круг. Упершись плечами, борцы закружились, угадывая силы друг друга, выведывая хитрость, которую партнер применит в борьбе.

Соперник Курбана напряженно уперся плечами в его грудь, но сильные руки Курбана не выпускали его. Вдруг Курбан ловко оттолкнулся и сразу поднял вверх на руках своего соперника. Тот не успел и опомниться, как Курбан, покрутив его раза два вокруг себя, положил на обе лопатки и перешагнул через побежденного.

— Молодец, Курбан! — крикнули Иванов и Бочаров и побежали к нему.

Но в эту минуту подошел письмоносец и крикнул:

— Курбану Дурды посылка!

Бочаров обнял Курбана за плечи:

— Товарищ командир, вот вам приз за победу.

Быстро прочитав письмо, вложенное в посылку, Курбан вынул из ящичка сушеную дыню. Она напомнила ему родные поля.

Взволнованный, обрадованный заботой родителей и земляков, он угощал дыней боевых товарищей.

Никогда не евший сушеной дыни сибиряк Иванов смеялся:

— Когда покончим с врагом, бери меня, Курбан, в свои края.

Посмеявшись с товарищами, Курбан снова принялся читать.

Вот письмо, написанное комсомольцами аула:

«Мы, комсомольцы колхоза «Ворошилов», от чистого сердца гордимся, Курбан, твоей беспощадной борьбой с фашистскими негодьями. Мы глубоко верим, что на фронте, как и в колхозе, ты завоюешь себе славу. Покажи фашистским хищникам храбрость и отвагу сынов Туркмении.

Мы тоже работаем, как на фронте. Среди нас имеются двухсотники, трехсотники. На необозримых полях растет богатый урожай египетского хлопка. Каждая коробочка нашего хлопчатника станет пулей для фашистов...»

Курбан с радостью разбирал подписи в конце письма. Он будто видел каждого земляка-товарища.

И вдруг раздался сигнал. Быстро построилась рота. Лейтенант Олисашвили позвал к себе командиров взводов.

— По приказу командования мы должны уничтожить врага на высоте М. и захватить его позиции. Командир отделения Курбан Дурды, вы со своим отделением действуете на правом фланге.

— Есть, товарищ командир, — ответил младший сержант, — я со своим отделением буду держаться правого фланга.

...Курбан со своим отделением продвигался вперед. Была темная, пасмурная ночь, и в темноте бойцы ползли по трупам немецких солдат.

Бесстрашный истребитель комсомолец Юрий Цуркан много раз на своем ястребке вступал в бой с вражескими бомбардировщиками и всегда выходил победителем. На его боевом счету несколько сбитых фашистских самолетов.

Четыре фашистских бомбардировщика «Ю-88» встретились в воздухе с истребителем комсомольцем В. И. Михайловым. Отважный летчик вступил в неравный бой. Через несколько минут один «Юнкерс» загорелся в воздухе, а другой, подбитый меткой очереди Михайлова, приземлился на нашей территории. На снимке: младший лейтенант В. Михайлов возвратился с боевого задания.

Скоро отделение Курбана оказалось перед окопами противника. Укрыться было негде. Курбан осторожно подвинулся на три-четыре метра в сторону и взгляделся в тьму. В десяти метрах от него немец стрелял с колена. Сержант прошил его пулеметной очередью. Немец упал, и стрельба прекратилась. Курбан, полусогнувшись, продвигался вперед. Вот он увидел, как кто-то навстречу тащит за ногу труп. Курбан не успел еще распознать человека, — а это был боец Валиев, — как тот шопотом произнес:

— Товарищ командир, видите — офицер!

Офицер, весь взвод которого был истреблен, теперь и сам захлебнулся в своей крови. Курбан обыскал карманы офицера. От трупа несло водкой.

Всю ночь шел бой. Наступил рассвет. Кукурузное поле было усеяно вражескими трупами. Два германских пулемета не давали нашим бойцам подняться. Бойцы, ползком с двух сторон обходившие пулеметные гнезда врага, готовились к атаке.

Командир приказал Курбану уничтожить пулеметы.

Курбан сказал:

— Товарищ командир, эти пулеметные гнезда будут уничтожены за двадцать минут.

Сержант с двумя товарищами пополз в высоких зарослях кукурузы. Скоро бойцы были в двадцати пяти метрах от пулеметчиков. По команде сержанта полетели гранаты. Один пулемет умолк, второй открыл огонь по группе Курбана. Курбана обожгло, но он не сразу это почувствовал. Наконец и второй пулемет умолк. Раздался приказ лейтенанта Олисашвили:

— Рота, в атаку!

Курбан, не обращая внимания на то, что ранен в руку, в грудь и ноги, скомандовал:

— Товарищи, за мною! — и первый побежал вперед.

Однако ноги сержанта не слушались, руки слабели. Он бежал и кричал:

— В штыки! В штыки!

Увидев обгонявших его боевых товарищей, Курбан вдруг, удивляясь своей медлительности, подумал: «Неужели у меня такие короткие ноги? Куда же девалась моя прежняя сила?»

Вот он заметил раненого немецкого офицера, целившегося в него. Курбан устремился вперед, но ноги его не слушались; все вокруг закружилось, зашаталось. Офицера надо было убить. Убить!.. Курбан почувствовал, как он штыком проколол руку немецкого офицера. Несколько секунд он еще видел наступающих бойцов, ему слышался лязг штыков, но он уже не понял, что рядом разорвался снаряд и в него снова попали осколки...

Его унесли с поля боя. Перед его глазами плыли танцующие фигуры, борьба, посылка из родного аула... Потом он утонул в дремоте, забылся.

Курбан не чувствовал сильной боли. Когда вернулось сознание, он понял, что он в госпитале. Он лежал в комнате, украшенной цветами, озаренной лучами солнца.

— Я ранен?— спросил он.

Женщина в белом халате, сидевшая возле, сказала ласково:

— Товарищ командир, успокойтесь. Вы еще немного слабы.

Курбан забеспокоился, как ребенок. Его черные глаза под густыми бровями потускнели, и губы задрожали:

— Мои... мои бойцы...

Женщина поняла его состояние и улыбнулась:

— Товарищ командир, о вашем мужестве напечатали в газетах. Вот, посмотрите...

От радости Курбан хотел соскочить с постели, но женщина удержала его и сама прочитала Курбану Дурды статью о его подвигах.

Читая, она незаметно от Курбана вытерла слезы и потом поцеловала его в лоб.

— Милый мальчик! Вы сейчас сын не одной своей матери,— сказала она,— но и мой сын, и всех советских матерей! Весь советский народ с гордостью читал о вас...

Женщина говорила такие слова так просто и тепло, что Курбан почувствовал себя маленьким, как в детстве. Он хотел сказать ей, что любит ее, как свою родную мать, но ничего не смог выговорить,— слезы подступили к горлу.

Женщина провела рукой по его волосам.

— Скоро вы поправитесь, — сказала она напевно, как мать говорит с детьми.— Командование на некоторое время отпустит вас домой. Увидитесь со своими родителями, с друзьями, детьми...

— Как же ехать домой, не покончив с врагом?

— А ваши друзья, земляки? Они хотят видеть вас, они будут гордиться вами. Вы побываете в Туркмении и снова вернетесь в армию. Мы еще с подлым врагом рассчитаемся.

Курбан благодарно улыбнулся ей, взял своей здоровой, неповрежденной рукой ее руку и прижал к своей груди.